

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

ПОДВИГ
17-Й
СТРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ
НАРОДНОГО
ОПОЛЧЕНИЯ

Виктор Климанов

СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Документальная повесть

**Подвиг
17-й стрелковой дивизии
народного ополчения**

**Народное ополчение
на защите Москвы**

Москва
Префектура Центрального
административного округа
2005

Глава 1

**Подвиг, трагедия, забвение
5**

Глава 2

**Предыстория. Как мы вступили в войну
48**

Глава 3

**Дивизия, армия, фронт, Москва
перед началом «Тайфуна»
96**

Глава 4

**2 октября – наступление врага началось
166**

Глава 5

**3 октября – 17-я вступает в бой
192**

Глава 6

**4 октября – подвиг 17-й стрелковой
220**

Глава 7

**Окончание сражения, отступление
250**

Глава 8

**Вечная слава героям ополченцам
284**

**Документальный и литературный материал
310**

Здравствуй Уважаемый читатель!
Всегда приятно встречаться с читателем.

12 лет назад был закончен оригинал моей повести.
Прошедшие годы показали, что тема преодоления и
святого подвига во имя защиты нашего Отечества
остаётся актуальной и востребованной.

В последние годы мне часто приходилось слышать
вопрос - Где можно приобрести вашу книгу?
Надеюсь эта публикация в какой то степени решит
эту проблему.

В добрый путь
Дорогой друг - читатель,

Виктор Климанов

Глава 6

4 октября –

Подвиг 17-й стрелковой

Глава 6

4 ОКТЯБРЯ — ПОДВИГ 17-Й СТРЕЛКОВОЙ

Ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительного значения, равнозначного непереводаемому, многозначительному русскому слову «подвиг». Ни одно другое слово не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в это русское слово «подвиг». «Геройский поступок» — это не совсем то; «самоотречение» — опять-таки не то; «усовершенствование», «достижение» — имеют совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

И как прекрасно это сжатое, точное слово: оно означает больше, чем движение вперед, — это «подвиг»!

Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, к своей Родине, и ради этого герой сражается на всех тернистых путях, не жалея самой своей жизни.

Начало войны вызвало совершенно небывалый патриотический отклик у советского народа и желание непременно встать в ряды за-

щитников Родины. Вот как вспоминает об этом бывший ленинградский ополченец Даниил Гранин:

Не было ни заслуженных, ни великих, никто не думал о том, как лучше использовать свои знания. Может быть, это было и бесхозяйственным, и безрассудным, но все же это было выше любых соображений о пользе. Стать солдатом — в этом был высший смысл тех дней, это считали самым нужным.

Самое необыкновенное в истории московского ополчения заключается в том, что ни 22 июня — в первый день войны, ни 3, ни 5 июля — в дни оформления ополченцев, ни 9 июля — в день выхода формирований на фронт, никто не мог предположить, что события развернутся так, что через три месяца их стремление совершить самопожертвование окажется необходимым для защиты их родной столицы и спасения Отечества и они совершат подвиг.

С рассвета 4 октября ожесточенные бои развернулись на всем фронте 17-й стрелковой дивизии (Карта 15). Все новые и новые части гитлеровцев подходили к месту сражения и вступали в бой. При поддержке бесперывных, массированных ударов авиации и артиллерии враг прежде всего повел атаки на участках вчерашних боев, пытаясь смять оборону 1312-го полка в районе Понизовье — Печки — Мальшикино и на участке 1316-го полка на новой линии организованных за ночь укреплений в районе Земцы — Вороновка — Пупово.

К утру 4-го октября 1312-й стрелковый полк двумя батальонами прикрывал левый фланг дивизии. В резерве, в районе Крисилино, остался 1-й батальон, командир капитан К. М. Сорокин. С юга и юго-запада позиции дивизии обороняли три батальона 1316-го полка. Правый фланг дивизии, центральный рубеж обороны на Варшавском шоссе, прикрывал своими тремя батальонами 1314-й стрелковый полк. Это был самый укрепленный рубеж обороны дивизии — перед окопами бойцов по обе стороны шоссе минные поля, противотанковые рвы, заграждения из колючей проволоки. Немцы, обозначив прорыв в коридоре между 17-й и 173-й дивизиями, южнее Латышей, намеревались атаковать этот рубеж не с фронта, а с тыла, и первоначально в своих атакующих действиях они как будто даже не замечали его, но ввиду чрезвычайного упорства и самоотверженности обороняющейся дивизии скоро стало ясно, что планам фашистов не сбыться и им не избежать фронтальной атаки этих укрепленных позиций.

По времени наше описание боев 17-й стрелковой дивизии народного ополчения разделено на две части – условно до немецкого обеда, до 13 часов, и после 14 часов до позднего вечера, хотя на некоторых участках бои были настолько ожесточенными, что проходили без всякого обеда (Карта 16).

С утра 4 октября на участке 1314-го стрелкового полка, южнее и севернее Варшавского шоссе, группами по 7–10 танков с мотоциклами немцы скорее с целью разведки боем предприняли несколько попыток ворваться в Подлесную, Любунь и Сутоки, но, встретив повсюду упорное сопротивление и потеряв более 10 танков, повернули обратно на исходные позиции.

К 11 часам все очаги сопротивления 43-й армии перед фронтом 17-й стрелковой дивизии были подавлены, и последние атакующие части гитлеровцев в районе Варшавского шоссе, 11-я танковая и 197-я пехотная дивизии, проделав марш в 10–20 километров, приближались к месту сражения для нанесения совместного, решительного удара по противнику.

После 12 часов закончилось и движение отступающих частей 43-й армии через позиции 17-й дивизии. Последними через Любунь в сторону северо-востока прошли части 113-й стрелковой дивизии. В отчете о боевых действиях своей дивизии Петр Сергеевич Козлов с гордостью констатировал: «Состав 17-й сд пропустил через свой участок 3 передовые отходящие дивизии. Панике при отходе последних не поддался».

Немного ранее из Любуни отошли штаб и управление 43-й армии. И теперь 17-я дивизия народного ополчения осталась один на один с «огромной фашистской гадиной» и никто в дивизии – ни бойцы, ни командиры, ни артиллеристы, ни разведчики, ни саперы, ни связисты, ни санитары, ни штабисты – никто уступать и отступать перед этой «гадиной» не собирался, каждый был готов совершить свой человеческий подвиг, чтобы все это вместе выплеснулось в ненавистного завоевателя волной народного героизма.

На участке 1316-го полка с рассветом после массированного удара авиации перешли в атаку главные силы 5-й танковой и 252-й пехотной дивизий гитлеровцев. Бойцы 1-го батальона капитана М. И. Баранова при поддержке полковой батареи 120-миллиметровых минометов лейтенанта Н. П. Осипова организованным огнем всех видов оружия отразили две атаки фашистов. После этого немцы

приняли решение усилить атакующий потенциал своих подразделений тяжелыми минометами, танками и авиацией.

Очень тяжелые для нас бои развернулись на участке 2-го батальона Ф. М. Пристяженко, на который немцы обрушили главный свой удар на этом участке наступления, до 60 танков и полка пехоты. Наши бойцы мужественно и бесстрашно встретили противника. Огнем артиллерии и минометов, стрелкового оружия, связками гранат и бутылками с бензином уничтожали они танки и пехоту врага и удерживали свои позиции.

Ожесточенные бои начались с утра 4 октября и на участке 3-го батальона 1316-го полка. Ночью по приказу полковника Козлова сюда были направлены главные резервы дивизии – части артиллерийского полка во главе с подполковником В. Л. Алексеенко и все свободные командиры штаба и управления дивизии. И здесь, несмотря на жестокие удары авиации и артиллерии, враг получил отпор.

Рано утром на участке 1312-го стрелкового полка завязался жестокий бой. Противник силами до полка пехоты и 25 танков при поддержке авиации атаковал рубеж обороны 3-го стрелкового батальона капитана А. Н. Петрикина, чтобы прорваться по дороге на Понизовье и Печки. Бойцы батальона Петрикина оказали достойное сопротивление врагу, они в упор расстреляли и сожгли несколько танков и автомашин. Две ожесточенные атаки фашистов были отбиты и успеха не имели.

После вчерашней, поздним вечером, контратаки 2-го батальона на Понизовье, в результате которой крупный отряд гитлеровцев был выбит из поселка, на протяжении всей ночи продолжались перестрелки с разбежавшимися группами фашистов.

В начале войны немцы соблюдали жестокую привычку – сполна расплачиваться с обидчиками за свои неудачи, расплачиваться, грубо используя свои преимущества в силе. Вот и сегодня, как только осеннее солнце появилось над смоленскими перекатами и каждая травинка заискрилась и засверкала обильной росой, вместе с солнцем поднялась и фашистская авиация и устремилась атаковать обидчика. Бесконечные серии бомб, похожие на капли черной краски, стряхнутые с кисти, посыпались на еще не завершённые оборонительные рубежи 2-го батальона. Затем заговорила артиллерия. Но как только вражеские танки и пехота изготовились к атаке, оборона батальона открыла по ним встречный огонь.

К 14 часам части 4-й армии с приданной ей 4-й танковой группой, начавшие 2 октября наступление в операции «Тайфун» вдоль Варшавского шоссе, три танковые и три пехотные дивизии собрались в районе рубежа обороны 17-й стрелковой дивизии народного ополчения. Ни в каких планах пунктуальных немецких штабистов такого собрании шести дивизий не предусматривалось.

Из штаба группы армий «Центр» уже пришла телеграмма с недомысленным вопросом: «Согласно донесениям авиаразведки, в районе Спас-Деменска отмечено скопление крупных сил противника, что в связи с этим намерено предпринять командование 4-й армии?».

«Скопление крупных сил противника» – это 9 стрелковых батальонов, усиленных всеми имеющимися в наличии артиллерийскими расчетами 876-го артполка, уже успешно отбивающих атаки многочисленных танковых и моторизованных частей врага.

А командование 4-й армии уже отдало распоряжение провести организованный удар всеми имеющимися в том районе силами и скопытнуть непокорную кочку обороны «русских ополченцев».

В оперативной сводке № 112 Главного командования сухопутных войск вермахта за 5.10.41 г. также отмечено:

На фронте 4-й армии на участке прорвавшегося 46 тк (2, 5 и 11-я тд) и 9 ак (197, 252 и 258-я пд) противник в течение дня упорно оборонялся на полевых позициях.

В разделе Впервые установлены значится – 17-я резервная дивизия – 2 сп в районе г. Спас-Деменск.

В оперативной сводке № 211 Генерального штаба Красной Армии на 8.00 5.10.41 г. героическое сопротивление ополченцев Московецкой дивизии отмечено двумя строками:

К исходу 4 октября наши войска вели бои с противником:

33-я армия. 17-я сд продолжала удерживать прежний рубеж обороны, выбив противника контратакой из района ПОНИ-ЗОВЬЕ – ЛАТЫШИ.

К 15 часам определилась стройная система подавляющего преимущества атакующего врага. С запада оборону 1314-го полка атаковали 197-я пехотная и 11-я танковая дивизии, с юга 1316-й полк атаковали 252-я пехотная и 5-я танковая дивизии, с востока наступали 258-я пехотная и 2-я танковая дивизии (Карта 17).

И началось сражение, «не ради славы, ради жизни на земле!»

Силы были безбожно неравны. Не на шутку рассердившийся враг был циничен в своем превосходстве и педантично жесток.

Мы несли большие потери, особенно в младшем командном составе. Но оставшиеся сражались с утроенным упорством, как в той песне – «врагу не сдается наш гордый Варяг, пощады никто не желает».

Вся та устремленность защитить свою Родину, которой они жили последние три месяца, собралась сейчас в единый ступок воли, это было наивысшее проявление истины и величия духа.

Казалось, весь верхний слой вместе с преисподней переворачивался при очередной бомбовой атаке, но как только вражеская цепь поднималась, ее снова встречал неистовый огонь ополченцев.

А душой обороны был командир дивизии Петр Сергеевич Козлов. В мирные для дивизии дни полковник имел обычай ежедневно объезжать свои подразделения. Бойцы уже привыкли к этому распорядку, для них был как талисман вид всадника на вороном коне с группой офицеров. А 2 октября, вдруг, все увидели небольшой броневичок, быстро курсировавший по боевым позициям. Это местные умельцы соорудили на основе мотоцикла с коляской боевой транспорт для командира. Броневичок постоянно шнырял в горячих точках боя. Бойцы, переглядываясь, с гордостью говорили: «Наш командир в штабах не засиживается, значит все будет как надо».

В 14 часов перед фронтом 1314-го полка развернулись главные силы 197-й пехотной дивизии в сопровождении 60–80 танков. При поддержке авиации и артиллерии фашисты пошли в решающую атаку. Однако организованным ружейно-пулеметным огнем ополченцев 2-го стрелкового батальона пехота врага была отсечена от танков и залегла.

Между тем колонна вражеских танков продолжала наступление. До 50 танков противника прорвались по Варшавскому шоссе, прошли до Буды, но, встретив и там упорное сопротивление подошедшего резерва 3-го батальона, без поддержки пехоты фашисты не решились продолжать атаку, отошли на прежние позиции и стали готовиться к новому наступлению.

К 16 часам противник резко усилил действие авиации и снова пошел в атаку в направлении Буды и Любуни. В районе Любуни вражеская атака снова была отбита. До 60 танков прорвалось в полосе обороны 2-го стрелкового батальона. Неся большие потери при повторных

атаках врага, 2-й батальон начал с боями отходить к Лесовке. Вражеским танкам удалось ворваться в Буду.

Через несколько часов фашисты вновь перешли в наступление против 1-го батальона 1314-го полка. На этот раз им удалось с большими потерями потеснить подразделения полка и к 20 часам овладеть Любунью и Сутоками.

В утреннем бою бойцы 1-го и 2-го батальонов 1316-го полка уничтожили до 20 танков неприятеля и большое количество пехоты. Однако в продолжающемся сражении силы были неравны. Наши подразделения также понесли большие потери, особенно 2-й батальон, где был ранен и вынесен с поля боя командир батальона капитан Пристяженко, получили ранения и были убиты большинство командиров рот и взводов.

После ожесточенного восьмичасового боя у батальона уже не хватало сил удержать свои позиции, и по приказу командира полка он начал отходить в лес восточнее Старые Ближевичи под огнем противника. Прорвав нашу оборону у Вороновки, большая группа танков, до 70, и около 200 автомашин с броневиками 11-й и 5-й танковых дивизий в колоннах устремились по большаку Оболювка, Болтутино, Верхуличи, Ново-Александровское.

Небольшой отряд ополченцев на рубеже обороны 3-го батальона 1316-го полка под командой лейтенанта Виктора Волохова, на позиции которого наступало 7 танков, подпустил их к своим окопам. Неожиданно бойцы забросали вражеские машины связками гранат, бутылками с бензином, три танка запылали ярким пламенем, остальные спешно повернули обратно.

Тогда многочисленные группы гитлеровских танков начали атаковать позиции батальона с флангов. Им удалось прорваться к позициям артиллерийского полка. До 30 танков прорвалось на огневые позиции 2-го дивизиона (командир – майор А. Н. Виноградов). Героически дрались артиллеристы, неся значительные потери, они не оставляли своих позиций. Расстреливая в упор танки врага, мужественные ополченцы уничтожили 6 танков. Фашисты, однако, продолжали надвигаться и раздавили две батареи дивизиона.

В это тяжелейшее время в полку находились начальник политотдела дивизии батальонный комиссар И. В. Грязнов и начальник разведки майор А. И. Малышев. Собрав до двух рот стрелков и артиллерис-

тов, они совместно с командиром полка подполковником Алексеенко организовали контратаку, прорвались на позицию 2-го дивизиона и помогли вывести оставшихся людей и орудия на другие позиции.

В 16 часов фашистские танки с подошедшими для усиления отрядами 197-й пехотной дивизии начали новое наступление на Земцы и Старые Ближечи и снова встретили ожесточенное сопротивление воинов 1-го батальона 1316-го полка. Невзирая на потери, в результате повторной атаки, уже в темноте, гитлеровцам удалось занять Земцы и Старые Ближечи.

Около полудня колонны 2-й танковой и 258-й пехотной дивизий гитлеровцев, обходя оборону 1312-го полка с востока, начали движение на север в направлении Верхуличей и хутора Ново-Александровского. Командир дивизии полковник Козлов вынужден был развернуть на Варшавском шоссе фронтом на восток свой последний резерв – 1-й батальон 1312-го полка капитана К. М. Сорокина.

До 10 танков и несколько мотоциклов противника из Верхуличей повернули на запад в тыл обороны полка. Огнем батареи артиллерийского полка дивизии под командованием старшего лейтенанта А. Н. Платонова, развернутой здесь на прямую наводку и усиленной взводом крупнокалиберных пулеметов роты ПВО стрелкового полка, два вражеских танка были подбиты, остальные повернули обратно.

Около 16 часов перед 1312-м полком развернулась 258-я пехотная дивизия, которая при поддержке до 40 танков повела наступление на Понизовье, Печки и Малышкино. Организованным огнем всех видов оружия бойцы 2-го и 3-го стрелковых батальонов и спецподразделений полка в упорном бою отразили и эту атаку.

В районе Понизовья развернулось сражение пехотинцев и артиллеристов с фашистскими танками. Огнем 5-й батареи 876-го противотанкового полка под командованием младшего лейтенанта П. Т. Варавы и полковой батареи лейтенанта М. А. Егорова (37-миллиметровые орудия), а также гранатами и бутылками с бензином было подбито и сожжено 15 танков и несколько автомашин. Политрук полковой батареи А. И. Климов, когда выбыли из строя командир и наводчик, встал у орудия и вел огонь до тех пор, пока не был убит.

Героически сражались наши батареи, они погибли, но враг и здесь не прошел. Противник, не сумев прорваться к Печкам с юго-запада, повел наступление в обход с востока.

В бою впервые были эффективно применены зенитные пулеметы роты противовоздушной обороны (ПВО) полка под командованием старшего лейтенанта Ф. И. Рыжинского для отражения наступления пехоты. Смертельный ливень огня косил наступающие ряды фашистов, результативно помогая бойцам-ополченцам. Во 2-м батальоне отлично проявил себя пулеметный взвод – два автомобиля с крупнокалиберными пулеметами ДШК, которым командовал лейтенант В. П. Щемелев. В критические моменты боя его полуторки неожиданно появлялись в самых горячих точках и своим ураганным огнем помогали бойцам отражать атаки противника.

Две атаки врага в районе Печек были успешно отражены с большими для немцев потерями. Однако и наши ряды значительно поредели, получили тяжелые ранения командир 3-го батальона капитан Петрикин, командир 2-го батальона старший лейтенант Прыгунов, командир 7-й роты лейтенант В. М. Косый, командование ротой принял политрук С. Г. Саркисов. В батальоне выбыли из строя все командиры рот и многие командиры взводов.

Уже поздним вечером противнику удалось выбить героически сражавшиеся подразделения 3-го батальона из Понизовья. Дальнейшее удержание занимаемого района в сложившейся обстановке не имело смысла, дивизии грозило полное окружение.

Отчет о боевых действиях своей дивизии Петр Сергеевич Козлов закончил таким выводом: «Дивизия до двух суток, находясь на широком фронте, противостояла явно превосходящим силам противника и отошла только по приказу, который последовал в 23.00 4.10.41 г.».

Около 23 часов вдруг восстановилась связь с северным соседом. С командиром 60-й стрелковой дивизии генерал-майором Л. И. Котельниковым была достигнута договоренность выходить из окружения совместно двумя дивизиями в обход Спас-Деменска с севера-востока.

Выход начался в 23 часа. 1316-й стрелковый полк, как наиболее удаленный и понесший большие потери, используя обширный лесной массив, начал отходить первым.

Одновременно начали отход и два батальона (2-й и 3-й) 1312-го полка из района Понизовья и Печек. Отход прикрывался 1314-м полком и 1-м батальоном 1312-го полка. По ходу движения колонн выставлялись заслоны на дорогах и в пригородах Спас-Деменска.

Подробности ночного перехода мы проследим в следующей главе, а сейчас – два боевых эпизода этого героического для ополченцев дня, которые случились во 2-м батальоне 1312-го полка по воспоминаниям С. А. Родионова и А. В. Родина.

С утра 4 октября командир 2-го батальона 1312-го полка С. И. Прыгунов определил связным при себе истребителя танков бойца 6-й роты Родионова, который во вчерашнем бою отличился, первым атаковал и уничтожил вражеский танк, а затем получил легкое ранение в правую руку. Надо сказать, что Сергей Иванович особо относился к Спартаку, потому что проживал с ним в Москве в одном доме – в шестом корпусе дома № 46 по Большой Серпуховской улице, хорошо знал его отца, старшего по званию кадрового офицера Красной Армии, его маму и его самого, как дворового мальчишку. И к этой необыкновенной истории – попаданию шестнадцатилетнего московского паренька в ряды народного ополчения – старший лейтенант Прыгунов тоже имел отношение.

Один из эпизодов этой замечательной истории взят из юбилейной публикации «Собой заслонили Москву» в районной газете «Вестник Замоскворечья» (№ 14, 2001 г.).

Утром 6 июля, после поверки 1-го батальона, во дворе школы на Пятницкой выстроился 2-й батальон. Из школы, уверенно чеканя шаг, вышел старший лейтенант, и у Спартака вновь тревожно забило сердце. Офицер встал перед фронтом батальона:

– Здравствуйте, товарищи добровольцы! Я, командир 2-го батальона Сергей Иванович Прыгунов. Начинаем поверку...

Это был дядя Сережа из соседнего подъезда их дома, с отцом они всегда приветливо здоровались за руку. Спартак смутно слышал фамилии, выходили в основном рабочие, служащие преклонного возраста, иногда молодые студенты...

Наконец:

– Родионов... – командир сделал паузу: – Спартак Андреевич.

Спартак сделал три шага вперед: Я.

Снова пауза.

– Родионов. Три ша-га вперед марш! На-ле-во! До-мой ша-гом марш!

До калитки было метров пятьдесят.

Ноги у Спартака стали как пудовые гири, с каждым шагом внутри у него что-то переворачивалось. Сергей Иванович выдерживал паузу, а он думал – что же это происходит, все летит в пропасть.

Его спасла следующая фамилия, зачитанная дядей Сережей, – Романюк. Как только он ее услышал, с него все вериги сползли и ему стало совсем легко. Он оглянулся налево, повернулся и быстро встал в конец строя, сзади...

Списки исправлять не стали, и Спартак остался добровольцем.

И вот в решающий момент испытания в их жизни – они рядом. Рассказывает Спартак Андреевич Родионов:

Первым поручением мне было помочь водителю полторки развести боеприпасы в 4-ю и 6-ю роты, так как я хорошо знал расположение их рубежа обороны. После выполнения задания началась бомбежка. Одна из первых бомб как раз угодила в телефонный провод. Связь со штабом дивизии оборвалась. Мы вдвоем со связистом перебежками между взрывами побежали к той воронке. После восстановления связи немецкие самолеты ушли.

За лесом послышался надвигающийся гул танков. Вскоре на поле вдали, вдоль дороги, поползли их силуэты. Заговорила наша артиллерия. Уже можно было видеть, как из бронетранспортеров выгружается вражеская пехота. И тут наши пушки почему-то замолчали.

Сергей Иванович поручил мне узнать – почему молчат пушки.

Это километра полтора от нас, в лесу, на опушке. Прибегаю к ним, а артиллеристы чуть не плачут – французские пушки, их снаряды кончились, а наши по калибру не подходят. Вот так: и пушки есть, и снаряды, а воевать нечем.

Прибегаю обратно, Сергей Иванович уже устроился в воронке от взрыва, махнул рукой, – да знаю, – достал планшетку и написал записку, – беги в хозотдел дивизии, передай капитану.

Это уже километров пять от нас, через Варшавское шоссе. Прибегаю, там паника, кони разбежались, капитан стоит, отдает указания. Я козырнул, доложил, передал записку и обратно к своим. Прибежал, все поле в воронках, мины сыплют без конца. Я из одной воронки в другую, спрашиваю, где командир, наконец добрался до его ямы, вижу – над ним солдаты, он лежит весь в крови. Я сменил одного стрелка, подложил ему

гимнастерку под голову, Сергей Иванович открыл глаза и сказал: «А, это ты...». Большие он ничего не говорил.

Через полчаса приползли санитары с носилками, мы перенесли Сергея Ивановича в санбат, доктор послушал у него пульс и сказал, что он умер...

А на следующий день меня ранило в ногу. Ребята сделали мне костыль, и я за ними через болота Малой Вороны на костыле... но не отстал...

А в последней записке, это уж мне потом сказали, Сергей Иванович просил начальника хозотдела, чтобы меня определили в охранное отделение хозчасти дивизии... А я убежал и решения не дождался.

На одной из встреч с ветеранами войны в 553-й московской школе Спартаку Андреевичу задали вопрос: «Скажите, вот вы девятиклассником уходили на войну. Вам не было страшно? Ведь на войне стреляют, убивают. И что вы чувствовали после первого боя?».

Спартак Андреевич ответил: «Поначалу я относился к войне, как к большой игре. Мне было все интересно – и точно исполнять приказы командиров, и осваивать военную технику. И первый день боя не разогнал этот романтический туман. Атака на танк, ранение, контратака на Понизовье, пленные немцы – так интересно... А вот бой на следующий день меня потряс. Столько погибло моих друзей, знакомых. Я последней клеткой печенки понял, что, если я не убью того, кто пришел к нам с ружьем, – он убьет меня и моих товарищей. А желание защитить Родину не уменьшилось, оно стало более серьезным. Вот такой это был для меня день».

Еще один эпизод боевых действий на этом же участке сражения.

С целью не допустить прорыва фашистов в тыл полка командир 1312-го полка майор И. А. Клеменюк приказал командиру 2-го стрелкового батальона старшему лейтенанту С. И. Прыгунову выдвинуть на встречу врагу 6-ю стрелковую роту. Обороняемый 6-й ротой участок передать 4-й стрелковой роте.

Выполняя приказ командира полка, старший лейтенант Прыгунов в срочном порядке снял 6-ю роту с участка, где она только что отбила атаку противника, примкнув занимаемую ею полосу обороны 4-й стрелковой роте.

6-я стрелковая рота за время ведения оборонительных боев понесла большие потери и насчитывала около 40 человек, командир ее был ранен и эвакуирован с поля боя, роту принял политрук роты старший политрук Рудой.

Вспоминая события тех дней, бывший ополченец командир 1-го отделения 2-го взвода 6-й роты А. С. Родин рассказывает:

Мы только отбили атаку немцев и начали приводить себя и свое оружие в соответствующий порядок, готовясь встретить фрицев, которые явно повторяют атаку, в который уж раз за сегодняшнюю ночь и за сегодняшнее утро. Вдруг – команда: «Взвод, по отделениям на выход, за мной!».

Мы вылезли из окопов, место моего отделения заняли незнакомые нам четыре бойца, сказали, что они из 4-й роты. Шагаем ускоренным маршем вдоль лесной опушки, прикрываясь за кустами и молодыми деревьями. Вышли в тыл деревни. Остановились, развернулись в боевой порядок и стали окапываться. Слева лес, справа небольшой овраг, за оврагом задворки деревни.

Примерно через 1,5–2 часа услышали машинный рокот – танки, а за ними бронемашинны и бронетранспортеры с пехотой до полутора рот. Танки, свернув с дороги, первоначально шли вдоль оврага, затем развернулись в цепь в шахматном порядке и на ходу открыли оружейно-пулеметный огонь. Пехота спешилась и, прикрываясь за танками и бронемашинами, стала насаждать на нас, ведя автоматный огонь.

Со стороны деревни появились немецкие самолеты, шли группами по 5–6 самолетов и с бреющего полета начали поливать нас пулеметным огнем, одновременно сбрасывая бомбы. Мы повели пулеметно-ружейный огонь по пехоте гитлеровцев, стараясь отсечь ее от техники и положить на землю.

Выдвинутые вперед группы по 2–3 человека истребителей танков, которые из-за кустов и укрытий забрасывали танки и бронемашинны связками гранат и бутылками с бензином. Один танк с порванными гусеницами развернулся, подставил свой бронированный бок со свастики, – расстреливай его, а расстреливать нечем.

Огонь со стороны немцев усилился. Вражеская пехота с танками начала обходить нас со всех сторон. Рота заняла круговую оборону. Бой усилился. Вскоре мы оказались отрезанными от своих, все пути отхода перекрыты. Немец уже нам кричал: «Рус здавайс». Нас оставалось все меньше и меньше. Огонь с нашей стороны заметно поредел. Боенприпасы были на исходе, вскоре и вовсе иссякли.

Кольцо немцев сжималось. Наши попытки прорваться штыком и прикладом успеха не имели. Мы оказались обессиленными, нас остава-

лось 10–12 человек, в основном раненые. Мы сдались в плен. Среди нас был и политрук роты старший политрук Рудой.

Всю нашу колонну вывели на дорогу. Помогая друг другу, мы перевязали раны. У кого были бинты – бинтами, у кого их не было – разрывали нижние рубашки или майки и бинтовали. Я был ранен в предплечье правой руки. У меня в вещмешке лежал саннакет, в котором находился бинт, несколько штук марлевых тампонов, нож и флакончик с нашатырным спиртом. Все это в данный момент оказалось как никогда кстати. Мне перевязали рану, руку подвесили к шее.

Вскоре нас построили и повели. Вначале мы шли по проселочной дороге, а затем вышли на большак. Нам навстречу колонной шли танки, броневики и бронетранспортеры, а за ними крытые грузовые автомашины. Над нами низко пролетало несколько групп по 10–15 немецких самолетов.

По дороге наша группа пополнялась пленными воинами. Они были из разных частей и дивизий. Поздно вечером нас привели в Спас-Деменск, город, захваченный несколько часов назад, и загнали в незаконченный строительством рубленый дом на территории рынка, а быть может, кирпичного завода. За домом, в 100 шагах был большой глиняный карьер, заполненный дождевой водой.

На следующий день, утром, нас водили на этот карьер – напиться водой и умыться. Часов в 8–9 нас построили. В строю было человек 60. Последовала команда: «Командирам и комиссарам выйти из строя». Вышло 10–12 человек, в том числе наш политрук Рудой. Вышедших из строя увели. Оставшиеся продолжали стоять. Принесли хлеб, разделили по буханкам – 1 кг на пять человек. В канистрах принесли горячую воду. Выдавали по одной кружке тому, у кого была какая-нибудь посуда. У кого ее не было, оставался без «чая». Завтрак длился около часу. Затем нас повели в сторону запада.

Какая пронизывающая по своей простоте и трагичности история! От роты осталось 40 человек. Чтобы не допустить окружения полка, рота перебрасывается навстречу танковому «клину», обходившему позиции 1312-го с северо-востока через деревню Малышкино с целью окружить и уничтожить полк, но, прежде чем это сделать, гитлеровцам приходится окружить и уничтожить горстку отважных бойцов 2-й стрелковой роты, имеющих на вооружении только пулеметно-ружейный огонь, гранаты и бутылки с бензином.

Как в капле воды, отразилось в этом бою чудовищно-контрастное соотношение сил защитников Отечества и вероломных захватчиков на поле боя 17-й стрелковой дивизии народного ополчения во второй половине дня 4 октября 1941 года. За три дня боев «мудрые немцы» уже приноровились разделяться с такими группами бесстрашных «русских», используя свое громадное техническое превосходство.

Сначала с запада, из-за деревни, появились самолеты, которые на бреющем полете точно обрабатывали позиции нашей роты бомбами и пулеметным огнем, как в тире, а когда их атаки сочетались с минометным огнем, немецкие асы могли наблюдать ад, который они творили собственными руками.

Затем поползли танковые чудища. Навстречу им выдвигаются группы истребителей танков. Пошли в ход гранаты, бутылки с бензином. *«Один танк с порванными гусеницами развернулся, подставил свой бронированный бок со свастикой, – расстреливай его, а расстреливать нечем».* Какая ужасная реальность – *«а расстреливать нечем».*

И вот уже вражеская пехота с танками обходит позицию героической группы, боеприпасы на исходе, их остается 10–12 человек, в основном раненые. Они сдаются в плен.

И снова на память приходят августовские и сентябрьские приказы нашего Верховного главнокомандования о сдающихся в плен бойцах Красной Армии, о заградительных отрядах. Как унижительны и оскорбительны они по отношению к героям конкретно 6-й роты, 2-го батальона, 1312 полка! Ведь если, как говорится, есть бог, есть на земле справедливость, то эти, в основном погибшие молодые, честные, святые защитники Родины должны же они высказать упрек этим «коммунистическим» руководителям Советского Союза – расстреливать-то танки врага было нечем по их вине...

Но мы, кажется, зашли в своих рассуждениях слишком далеко – такой категории справедливости в СССР не существовало, да и погибшие герои, дали ли бы они нам, их сыновьям и внукам, право ставить упрек именно в такой форме?..

Еще одно щемящее душу обстоятельство этой истории не дает покоя – *«Последовала команда: “Командирам и комиссарам выйти из строя”.* Вышло 10–12 человек, в том числе наш политрук Рудой. Вышедших из строя увели».

Увели в безвестность. Увели во исполнение так называемого «приказа о политических комиссарах», документа, который на Нюрнбергском процессе проходил в числе доказательств преступлений фашизма против человечества. Вот выдержки из этого документа:

Политических комиссаров следует немедленно, т. е. еще на поле боя, отделить от других военнопленных. Комиссары не признаются военнослужащими; на них не распространяются положения международного права о военнопленных. После того как они отделены, их необходимо уничтожить... Казнь политических комиссаров после их отбора из общей массы военнопленных проводить в войсках вне зоны боевых действий, незаметно, по приказу офицера.

Какой жуткий цинизм одной из самых просвещенных наций человечества! Этот приказ вышел из канцелярии Главнокомандующего сухопутными войсками вермахта 8 июня 1941 года, за две недели до начала войны.

Марк Наумович Рудой, комиссар 6-й роты 2-го батальона 1312-го полка, скромный и в высшей степени порядочный человек, до записи в ополчение был учителем истории. Его хорошо знали в батальоне, так как он проводил регулярные политинформации для солдат и командиров. И в боевой обстановке он проявил себя Коммунистом с большой буквы.

Советские энциклопедии совершенно правы, когда одной из главных причин победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, наряду с массовым героизмом советского народа, называют значение руководства единой, мобилизующей и направляющей Коммунистической партии. На поле боя и в армейских буднях, в батальонах, ротах, взводах и отделениях личный пример и проникновенное слово комиссаров и коммунистов имело огромное значение для подъема морального духа бойцов.

Вот свидетельство героя Московской битвы, командира 78-й стрелковой дивизии, которая в составе 16-й армии держала самый трудный в битве Волоколамский рубеж обороны, Афанасия Павлантьевича Белобородова. В абсолютной искренности и достоверности этого мнения сомнений быть не может.

Наш комиссар – это тот, кто делит с тобой все радости и горести, кто ведет за собой и словом, и делом, кто может и всегда бывает таким, каким мечтаешь быть сам. Он, сидя с тобой рядом под осенним

дождем, умеет отказаться от глотка спиртного. В зимнюю стужу он сбросит с себя полушубок, чтобы согреть раненого. Он первым поднимет залегший батальон и последним остается у пулемета, прикрывая отход.

Словом, комиссар – это тот, с кого ты берешь пример и в мирных буднях, и здесь, на войне...

В подавляющем большинстве это были люди высоких моральных принципов – морали коллективистской, гуманистической, деятельной, не противоречившей, а вобравшей в себя все ценности общечеловеческой морали. Честность, благородство, внутренняя тревога за дело партии отличали подлинных пролетарских вождей на полях великой битвы в частях и соединениях Красной Армии.

В боях с врагами Советской Родины за годы войны погибло свыше трех миллионов коммунистов, и это были лучшие из лучших, цвет партии ВКП(б). Советская историческая наука как-то обходила стороной вопрос о невосполнимости потерь в рядах коммунистов за годы Великой Отечественной войны. А может быть, именно здесь одна из причин дальнейшего перерождения и стагнации Коммунистической партии Советского Союза и потери всех идеалов, провозглашенных в СССР в 20–30-е годы.

Но вернемся на поле боя.

Утром 4 октября в районе рубежа обороны 17-й стрелковой дивизии на Варшавском шоссе сопротивление наступающему врагу оказывала еще только знакомая нам 113-я дивизия народного ополчения. Воспоминания Н. Митрофанова (Карта 12):

Круговую оборону в районе Желны держали пять с половиной тысяч человек. Их могли поддержать только 12 оставшихся орудий и батарея РС.

С утра 4 октября противник вновь приступил к активным действиям. Бои носили упорный характер. Ополченцы дрались героически. Мелкие группы гитлеровцев зачастую пропускались в глубь леса и там уничтожались. Когда вражеских солдат брали в плен, то отбирали у них мотоциклы, автоматы, ручные пулеметы.

Особенно много трофеев было взято 1-м батальоном 1292-го полка, которым командовал капитан П. В. Хлебников (в бою под деревней

Семирево этот батальон не участвовал). Стойко вели себя оставшиеся подразделения 1288-го полка, которыми командовал помощник командира полка.

Часов в 12–13 дня мы приняли радиограмму штаба армии об отходе его в район северо-восточнее Спас-Деменска. Нашей дивизии предлагалось отойти на рубеж реки Угры к северу от Юхнова. Отход на новый рубеж мы наметили осуществлять двумя этапами: сначала выйти в район лесов восточнее Милятина, а затем – к Угре у Юхнова, используя лесные массивы северо-западнее Рославльского шоссе.

4 октября

На северном фланге Западного фронта утром 4 октября обозначился прорыв противника в направлении на Вязьму.

Лукин просил помочь, и мы направили ему две стрелковые дивизии, танковую бригаду и артполк. У нашего соседа слева генерала Еришакова было спокойно. Из штаба фронта никаких тревожных сигналов не поступало.

К. К. Рокоссовский

Наши 20, 16, 19-я армии оказались под угрозой охвата с обоих флангов. В такое же положение попадала и 32-я армия Резервного фронта. Обозначилась угроза выхода крупной танковой группировки противника с юга со стороны Резервного фронта в район Вязьмы в тыл войскам Западного фронта и с севера из района Холм-Жирковского (Карта 11).

В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, но не принял никакого решения. Связь по ВЧ оборвалась, и разговор прекратился.

Я тут же связался по бодо с начальником Генерального штаба маршалом Шапошниковым и более подробно доложил ему о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, что особо угрожающее положение создано на участке Резервного фронта.

Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в тот день не последовало.

Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утверждено Ставкой. В соответствии с этим мы дали указание об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий.

Также Ставка передала 31-ю и 32-ю армии Резервного фронта в состав Западного фронта, а его КП распорядилась перенести в район Гжатска. Это решение было запоздалым и имело трагические последствия.

И. С. Конев

Версия историка генерал-лейтенанта Н. Г. Павленко со слов маршала И. С. Конева:

4 октября 1941 года в телефонном разговоре со Сталиным он просил разрешение отвести потерпевшие поражение войска на один из тыловых рубежей. К своему удивлению, вместо ответа по существу Конев услышал следующее, сказанное в третьем лице: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин – честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам...»

Конев тут же связался по бодо с начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым и просил разрешения отвести войска на гжатский рубеж. Однако такого разрешения в тот день не последовало. Связь нарушилась не только с Москвой, но и с армиями фронта.

При всех объективных смягчающих обстоятельствах следует поставить в упрек Маршалу Ивану Степановичу Коневу то, что во всех послевоенных изданиях его воспоминаний о Московской битве в рассуждениях о причинности трагедии Вяземского котла он в первую очередь ставит не провал на правом фланге своего фронта, а прорыв обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска. Это не только нескромно, но и противоречит фактам развернувшейся битвы. Центральная группировка 4-й армии была самой крупной в наступательной операции «Тайфун». 7-я и 6-я дивизии 56-го танкового корпуса вошли в Вязьму 6 октября, а 10-я дивизия 46-го танкового корпуса, наступая с юга, вошла в Вязьму 7 октября.

2-я и 5-я танковые дивизии замыкали кольцо окружения с юго-запада уже 8 октября, так что у командующего Западным фронтом бы-

ло достаточно времени более активно использовать потенциал своих армий, например 20-й, для контрудара по наступающему врагу в юго-восточном направлении.

С утра 4 октября крупная группировка танков и пехоты противника при мощной авиационной поддержке перешла в наступление из района Холм-Жирковский. Она отбросила 13-ю дивизию народного ополчения и ее правого соседа к востоку и овладела большим плацдармом на левом берегу Днепра. Это были 56-й танковый (2 танковые и 1 моторизованная дивизия) и 5-й армейский (3 пехотные дивизии) корпуса 3-й танковой армии. Утром 5 октября они, не встречая серьезного сопротивления, начали наступление на юго-восток в направлении на Вязьму. В то же время поступили сведения, что крупные танковые силы противника заняли Спас-Деменск.

В. Р. Вашкевич

На 4 октября 6-я и 7-я танковые дивизии прорвались по уцелевшим мостам на восточный берег Днепра, подавили сопротивление противника (части 32-й армии) и повернули на Вязьму. 41-му танковому корпусу пришлось преодолеть сильное сопротивление противника в районе юго-западнее Белого.

4 октября, выйдя в район южнее города, корпус развернулся фронтом на восток. Задачу по овладению городом предстояло решить 6-му армейскому корпусу.

Г. Гот

В помощь левому флангу 24-й армии, в район второго главного наступательного удара 4-й армии фон Клюге, командование Резервного фронта 3 октября перебросило из 32-й армии 8-ю дивизию народного ополчения Краснопресненского района.

Из воспоминаний замполита 1301-го полка А. Н. Гусева:

Вечером 2 октября был получен приказ – дивизии передвинуться на юго-запад, в район г. Ельни. Дивизия передавалась из 32-й резервной армии в 24-ю действующую.

С утра 4 октября все части и подразделения вели бой. Обстановка для них сложилась крайне неблагоприятная. Части дивизии, не успев сосредоточиться, занимали участки фронта... Ополченцы Красной

Пресни подверглись нападению 15-й моторизованной гренадерской дивизии фашистской армии, располагавшей мощной артиллерией и поддержанной танковыми частями. Силы были далеко не равными.

В первые же часы боя погибли командир дивизии Скрыпник и комиссар Дядловский, командир 1303-го полка подполковник Худобин, многие командиры и комиссары батальонов, рот, батарей; получил ранение начальник политотдела Лазаренко.

Командование дивизией принял на себя начальник штаба полковник Шмелев, комиссаром стал профессор Зоркий, вскоре также погибший. Место выбывших из строя занимали другие, так, когда был тяжело ранен командир 1-го батальона 1303-го полка Алексей Кузьмин, его заменил член ВКП(б) с 1919 г., кандидат сельскохозяйственных наук, начальник штаба батальона П. И. Сараев.

Насколько ожесточенным был бой, можно судить по тому, что только в первый день было ранено более 1200 ополченцев, не считая убитых.

К исходу 4 октября наши части и вынуждены были отступить с большими потерями за линию железной дороги и ст. Коробец. Гитлеровские танки и моторизованная пехота, прорываясь через наши поредевшие порядки, все дальше устремлялись в наш тыл, чтобы замкнуть кольцо окружения в районе Вязьмы. Остатки Краснопресненской дивизии, сливаясь с бойцами других частей и соединений, отходили с ними разрозненными отрядами...

«Короткая и героическая» история ополченцев Красной Пресни показывает полную несостоятельность и командования Резервного фронта, и командования соседнего с ним на поле боя Западного фронта, и Верховного главнокомандования Красной Армии.

Излюбленный авральный прием «сталинских» маршалов и генералов – погрузить войска в эшелон, и с колес, не сосредоточившись, с винтовками, пулеметами и гранатами – на врага. Против танков, тяжелой артиллерии – значит против танков и артиллерии.

Как?.. Зачем?.. С каким эффектом?.. – эти вопросы не ставились и не обсуждались, они считались вредными и неуместными.

Результат маневра 8-й стрелковой дивизии стратегически оказался малоэффективным, а тактически – это трагедия для ополченцев с Красной Пресни. Через две недели Краснопресненская дивизия будет расформирована и числиться полностью уничтоженной.

Маневр 8-й дивизии имел бы смысл, если бы стоявшая к северо-востоку от Ельни 20-я армия одновременно нанесла всеми своими силами контрудар в тыл наступающей 4-й армии фашистов, а 16-я армия, которая после боя 2 октября тоже ничего не делала, могла бы в этом случае прикрыть фланги 20-й.

Вот тогда «классическая операция германских войск по окружению и уничтожению частей и соединений Красной Армии в Вяземском котле в октябре 1941 года» не имела бы места. И потери наших войск были бы значительно меньшими, а стратегические завоевания, включая моральное состояние войск, – неизмеримо большими. И сколько героического самопожертвования можно было избежать. Всем бы тогда было легче – и самоотверженным ополченцам с Красной Пресни, и дивизиям 24-й армии, и героически сражающейся 19-й армии, и нашей 17-й стрелковой дивизии, по крайней мере, бомбежек с воздуха было бы поменьше. А отступившие дивизии 43-й армии остановились бы, привели себя в порядок. И штаб 33-й армии вернулся бы на поле боя...

Сколько трагедий советского народа можно было бы избежать...

Назовем фамилии командующих, по вине которых этого не произошло, – Председатель Совета министров СССР Иосиф Виссарионович Сталин, Маршал Советского Союза Борис Николаевич Шапошников, Генерал-лейтенант Иван Степанович Конев и Маршал Советского Союза Семен Михайлович Буденный.

Давайте для успокоения перейдем на южный участок фронта под Москвой. Там, к счастью, дела складываются для нас лучше.

В ночь на 4 октября в Мценск прибыл первый эшелон 4-й танковой бригады в составе 16 танков. Перед заместителем командира бригады полковником П. А. Рябовым сразу была поставлена задача: выделить 2 группы на танках Т-34 и КВ и во что бы то ни стало разведать силы противника в Орле и его окрестностях. Первую группу возглавил капитан В. Гусев, вторую – старший лейтенант А. Бурда. В предраусветной темноте разведчики выступили из Мценска. В результате получилось два героических боевых рейда в тыл врага.

Вечером рота Гусева ворвалась в Орел. Семь его танков, непрерывно ведя огонь, пронеслись по улицам. Под гусеницами мощных танков, словно спичечные коробки, трещали «опели», «мерседесы», «шкоды».

Паника охватила врага. Фашисты метались по улицам, вели беспорядочный огонь, попадали под гусеницы наших боевых машин.

За 2 часа боя на улицах Орла танкисты уничтожили 19 танков, 8 орудий, около 100 автомашин, несколько сот вражеских солдат и офицеров. Отходя, рота Гусева столкнулась с разведгруппой гитлеровцев, возвращавшейся в Орел. В 3 минуты наши раздавили 4 бронетранспортера, а экипаж пятого сдался. В плену оказались офицер, 8 солдат и карта с результатами разведки. Немецкого офицера вместе с картой срочно отправили в Генеральный штаб.

В то же время А. Бурда пробрался в тыл противника. Захватив пленных, он узнал, что на рассвете 5 октября враг намерен двинуться из Орла на северо-восток. Старший лейтенант решил устроить засаду. В назначенное время танки Гудериана с пехотой на бронетранспортерах появились на дороге. Бурда подпустил их поближе и открыл огонь. Затем поставленный в засаду первый танковый взвод с ходу атаковал врага.

Итог стычки: 12 подбитых немецких танков, 3 орудия и более сотни убитых солдат. Опомнившись, гитлеровцы двинули 15 танков с пехотой на броне в обход разведгруппы. Но здесь их ждал новый сюрприз: огонь прямой наводкой 2-х танков под командованием Петра Молчанова. Загорелось 5 вражеских машин, уничтожено до роты пехоты.

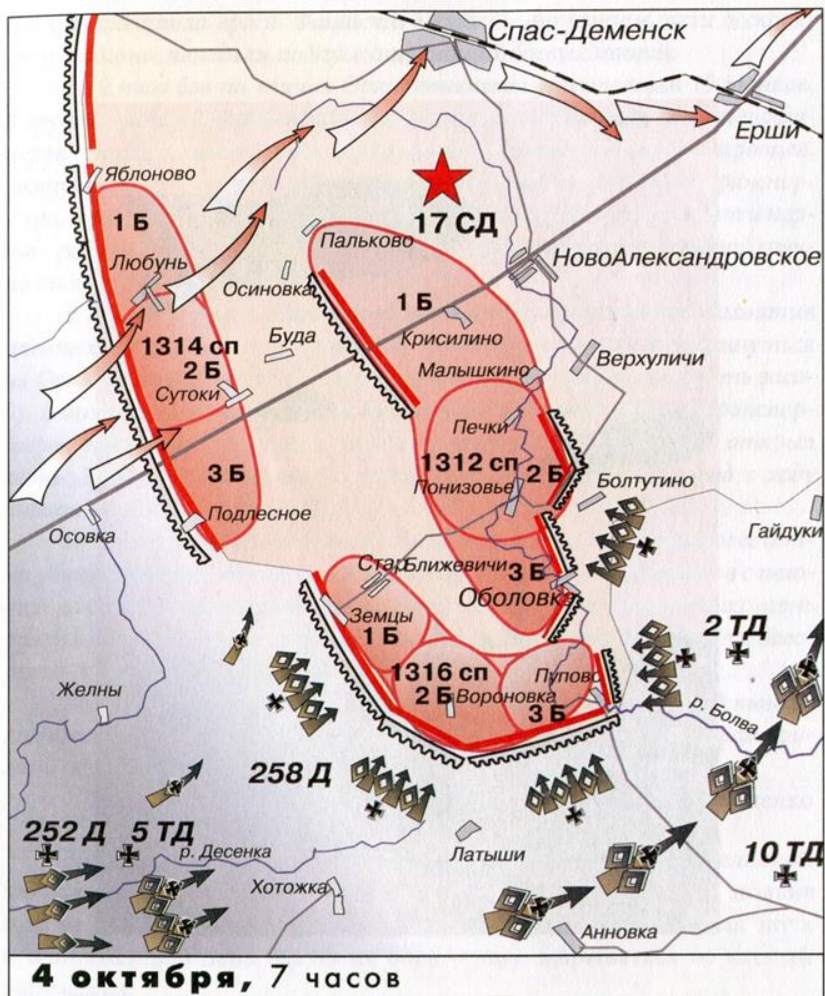
В конце дня 4 октября в Миценск прибыл второй эшелон 4-й танковой бригады во главе с полковником М. Е. Каткуковым и комиссаром бригады М. Ф. Бойко.

Д. Д. Лелюшенко

Вот такой он был, день героического подвига 17-й стрелковой дивизии народного ополчения Москворецкого района. Но подвиг еще не закончился. Впереди у ополченцев еще сумасшедшая ночь и напряженный день жестоких боев – надо вырваться из клещей окружения.

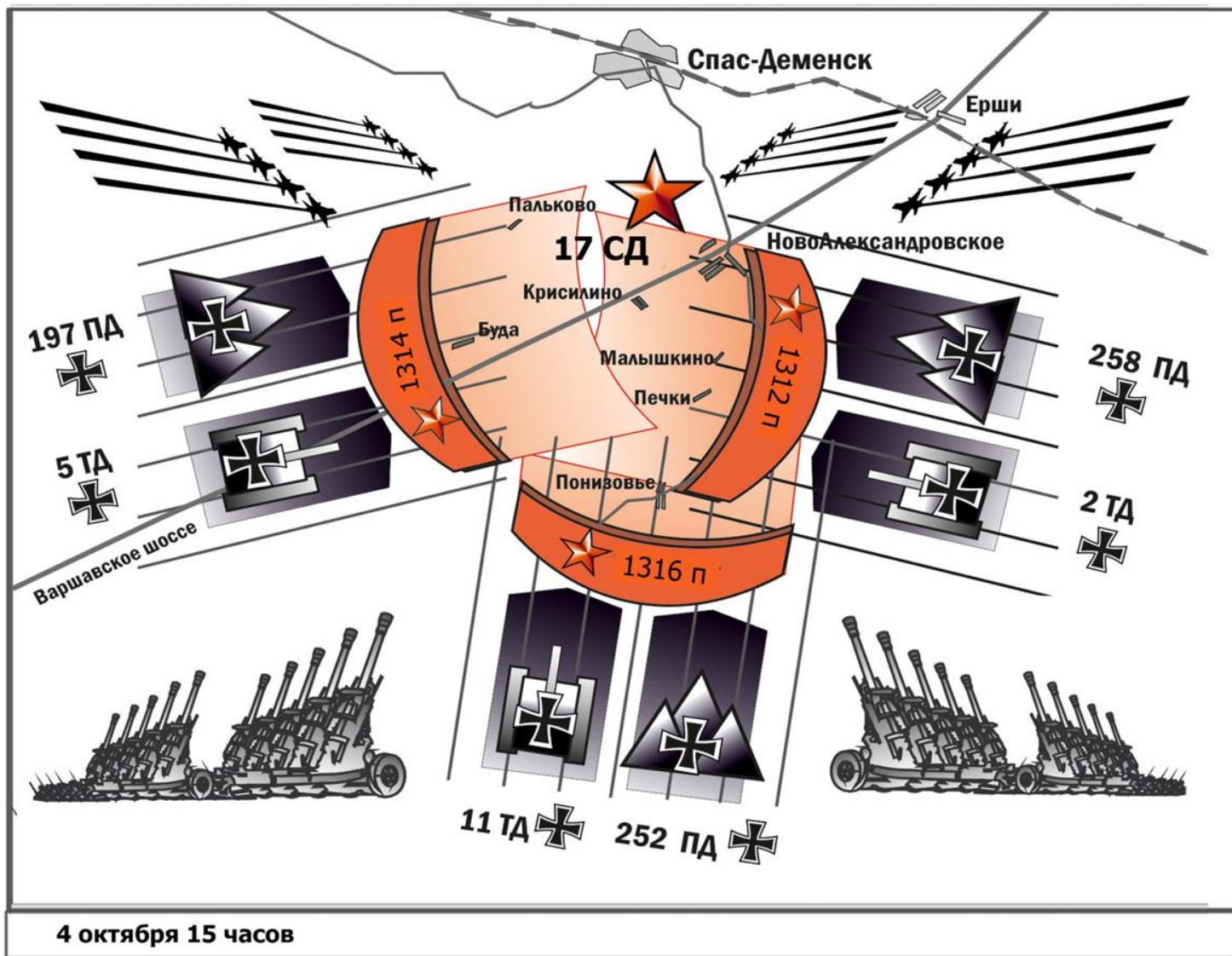

Карта 15
Противостояние гитлеровских соединений и ополченцев 17-й дивизии
утром 4 октября 1941 года

Карта 16
Боевые действия 17-й стрелковой дивизии под Спас-Деменском

Карта 17

Схема противостояния 17-й стрелковой дивизии и атакующего противника в сражении под Спас-Деменском 4 октября 1941 года в 15 часов, когда все силы с обеих сторон участвовали в бою

С честью выполнили свой долг перед Родиной в первых боях ополченцы-москвичи 17-й стрелковой дивизии, они не дрогнули перед грозным врагом, лавинами его танков и армадами самолетов.

На смерть стояли они на занимаемых рубежах.

Бойцы и командиры проявили исключительный героизм, показали образцы доблести, мужества и презрения к смерти. Большинство из них погибли, защищая столицу.

Генерал-лейтенант В.П. Шмелев «Первые бои стрелковой дивизии»:

За три дня ожесточенных боев против многократно превосходящего по силам противника 17-я стрелковая дивизия народного ополчения Москворецкого района потеряла 2/3 своего личного состава, 8 тысяч человек.

В бою немецкая мотопехота

Вражеские пулеметчики ведут огонь

